

УДК 1.16

DOI: 10.17223/1998863X/32/17

Г.Г. Антух

## К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЗМЕ: ПРОБЛЕМА ЛОГИЧЕСКОГО ПРАВИЛОПРИМЕНЕНИЯ

*Рассматривается проблема соотношения логики и мышления в дискуссии психологизма и антипсихологизма. На основе анализа конфликта тезисов данных позиций формулируется вопрос о предмете логического правила и предельных основаниях логического правила, которая обнаруживает ряд проблемных аспектов логического правила. Подробно рассматривается проблема предела практической свободы реализации правилоприменения в перспективе закон – норма – правило, роль субъекта в правилоприменительной практике и фактор времени как необходимое условие реализации логического правилоприменения.*

*Ключевые слова: логика, мышление, психологизм, антипсихологизм, логический закон, логическое правило.*

### 1. Проблема психологизма в философии логики

Фундаментальной проблемой эпистемологии и философии логики является вопрос о соотношении логики и мышления. Одной из попыток решения данной проблемы стала предложенная немецкими философами-логиками XIX в. концепция логического психологизма. В широком смысле **логический психологизм (ЛП)** – это логико-философская доктрина, утверждающая, что логика является особой отраслью психологии, а логические законы суть законы естественного мышления, установление которых должно происходить эмпирическим путем – посредством наблюдения и индукции. Основная посылка ЛП заключается в том, что логика – наука о мышлении; мышление – психический процесс; психические процессы принадлежат предмету психологии, следовательно, логика – психологическая дисциплина. В философии логики проблема психологизма складывается из двух центральных вопросов: (1) вопроса о философских основаниях и онтоэпистемологическом статусе логики и (2) вопроса о взаимосвязи основоположений логики с реальной практикой мышления[1]. Согласно позиции ЛП, ответ на первый вопрос заключается в том, что (А) логика – это дескриптивная наука в составе психологии и законы логики являются эмпирическими обобщениями фактов индивидуального мышления; на второй – что всякая (Б) практика логического правилоприменения является реализацией естественного мышления и не выходит за его пределы.

Критическое осмысление ЛП в истории философии XIX–XX вв. показало эпистемологическую несостоятельность данной позиции и послужило поводом для становления доктрины антипсихологизма. По существу, **логический антипсихологизм (АП)** – это логико-философская доктрина, являющаяся антитезой ЛП и утверждающая, что логика есть независимая от психологии априорная теоретическая наука. Главным контраргументом по-

зиции АП является то, что психология – это наука о фактах психики или о фактах субъективного и/или объективного содержания опыта; факты опыта соотносятся с теоретическим положением (законом) посредством индукции; индуктивные законы носят вероятностный характер; следовательно, логико-психологические законы также вероятностны и не достоверны; в таком случае всякое познание носит скептико-релятивистский характер, в том числе и психологическое. В связи с этим АП ставит перед собой цель обоснования логики в качестве объективной теоретической науки и включает в себя два противоречивых ЛП тезиса, а именно, что (В) логика является нормативной, независимой от психологии дисциплиной, законы которой должны усматриваться в качестве самоочевидных истин, и что (Г) необходимость логического правоприменения коренится в содержаниях логических законов, непосредственно нормирующих познавательную деятельность.

Важно отметить, что ни позиция ЛП, ни позиция АП не дает однозначного ответа на вопрос о соотношении логики и мышления. Среди главных недостатков данных позиций следует выделить:

- у доктрины ЛП – отсутствие непротиворечивых положений о философских основаниях и онтоэпистемологическом статусе логики;
- у доктрины АП – неочевидную связь между внесубъективными законами логики и реальной практикой логического правоприменения.

Другими словами, в случае признания эпистемологической ценности вывода АП о том, что (В) проблема предельных оснований прескриптивной функции логики остается нерешенной и как следствие положение (Г) требует подтверждения или опровержения, т.е. вопрос о психологизме остается открытым. Для отыскания доказательств справедливости/несправедливости данного положения необходимо пояснение двух содержательных моментов:

- во-первых, (α) что является предметом логического правила и что оно регулирует,
- во-вторых, (β) содержит ли данный предмет предельные основания логического правоприменения?

## 2. Логический закон и логическое правило<sup>(а)</sup>

Прежде всего, необходимо различать логический закон и логическое правило. Согласно позиции АП, **логические законы** представляют собой идеальное единство объективных теоретических истин, очевидно усматриваемых из самого понятия истины, а **логические правила** – это обращенные в норму теоретические положения, служащие регулятивом познавательной деятельности [2]. К примеру, теоретическое положение закона транзитивности в формулировке: «Если все *A* суть *B*, а все *B* суть *C*, то все *A* суть *C*» – не содержит в себе никакого предписания, указывающего на условия правоприменения данного положения в реальной практике мышления. Иными словами, логический закон десубъективизирован и по своему существу не может являться предметом логического правила. Трансформация теоретического положения в правоприменительный регулятив требует преобразования исходной формулировки теоретического принципа, следующим образом: «Каждому, судящему относительно всех *A*, которое суть *B*, и всех *B*, которое суть *C*, должно судить, что все *A* суть *C*». Нетрудно заметить, что

исходное теоретическое положение отличается от правилоприменительного регулятива по ряду признаков: если логический закон с точки зрения АП идеален и наделен (а) внесубъективностью, (b) вневременностью и (с) абсолютной истинностью (константностью) своих положений, то логическое правило, как видно из примера, де-идеализировано и с необходимостью ( $\bar{a}$ ) субъективно и/или субъектно, ( $\bar{b}$ ) реализуется с течением времени и ( $\bar{c}$ ) не обладает абсолютной истинностью. Таким образом, **предметом логического правила**<sup>(a)</sup> является де-идеализированное субъекториентированное логико-теоретическое положение, имеющее форму предписания и служащее регулятивом познавательной деятельности.

Очевидно, что логический закон и логическое правило принадлежат областям конкурирующих онтологий: логический закон является частью объективного идеально-логического содержания мышления, а логическое правило включено в процесс субъективных реально-психологических условий реализации логической нормы. Как показано выше, одновременно с миграцией логико-теоретического положения к логико-методологическим условиям реализации правилоприменения происходит негация признаков, присущих объективным законам логики. Иначе говоря, предельные идеально-логические основания логико-теоретического положения, обращенного в регулятив, аннулируются, т.е. логическое правило в отличие от логического закона не обладает безусловной достоверностью и общеобязательностью. Таким образом, актуализируется вопрос о предельных основаниях логического правилоприменения, т.е. почему следует мыслить так, а не иначе? Однако если **логико-методологический регулятив не содержит в себе предельных оснований правилоприменения**<sup>(b)</sup>, возникает следующий вопрос: ( $\gamma$ ) существуют ли вообще какие-либо объективные предпосылки к логическому правилоприменению?

С точки зрения доктрины АП логико-теоретическое положение, содержащее в себе норму правилоприменения, является необходимо истинным, а логическое правило может быть истинным или ложным, т.е. оно [правило] может быть реализовано в соответствии с нормой логико-теоретического положения, а может противоречить норме. Однако если предположить, что существует некоторое ложное логико-теоретическое положение, то возможно ли такое, что обращенный в норму методологический регулятив данного положения будет истинным? Вероятно, да, но только в том случае, когда логическое правило будет реализовано против нормы логико-теоретического положения; в то же время истинность логико-методологического регулятива исходит из возможности реализации логического правила в соответствии с нормой логико-теоретического положения, значит, правило которое реализовано против нормы данного положения, не может быть истинным ни при каких условиях. В таком случае спрашивается, что такое **логическая норма** и как она соотносится с (Б) естественным мышлением / субъективными реально-психологическими условиями логического правилоприменения и с (Г) внесубъективными законами логики, принадлежащими области идеально-логического содержания мышления?

### 3. Некоторые соображения относительно правила и реальной практики правилоприменения

Допустим, существует некоторое правило, гласящее: «Каждый раз, выходя из комнаты с четырьмя дверями, следует выходить через пятую дверь». Очевидно, что данное правило является некорректным и содержит в себе явное логическое противоречие, которое делает невозможным реализацию данного регулятива в реальной практике правилоприменения. Как показано выше, ложное основание правила ни при каких условиях не способно обеспечить истинного правилоприменения. Интересно и то, что «каждый раз, выходя из комнаты с четырьмя дверями», некто будет выходить в одну из четырех дверей, но при этом он не будет нарушать никакого правила, потому что не существует правила без возможности правилоприменительной практики. Иначе говоря, правило, которое не может быть выполнено, не может быть и нарушено.

Как видно, всякое правило должно исходить из адекватности оснований правилоприменения реальным условиям реализации правила, т.е. **норма правила** – это то, что делает правило амбивалентно справедливым основанием и практике правилоприменения. В том случае, когда норма правила не является амбивалентно справедливой основанием правилоприменения и реальным условиям правилоприменения, возникает *патология нормы* (как в последнем примере), где, с одной стороны, правило составляет некоторую норму, а с другой – исключает всякое нормирование. По существу, регулировать можно только то, что есть, то, чего нет, нельзя и регулировать,

Исходя из вышесказанного, следует, что **всякое правило имеет место быть, если имеет место быть реальная практика правилоприменения**<sup>(7)</sup>. Однако философии известен парадокс следования правилу, сформулированный Л. Витгенштейном, который писал, что «...ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом ...если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом...» [3. С. 163]. Основной посыл данного пассажи заключается в том, что не существует сколько-нибудь определенного правила, которое могло бы иметь устойчивое значение в правилоприменительной практике. Конечно, всякое правило можно нарушить, в этом и состоит сущность правила, однако нельзя нарушить правило сверх меры, т.е. сверх предела практической свободы, другими словами, *нельзя бесконечно «по-новому» нарушать одно и то же правило*. К примеру, находясь в комнате с четырьмя дверями, нельзя выйти через пятую дверь, также нельзя сосчитать на пальцах до ста, и не только потому, что подобные правила содержат в себе патологическую норму, но и потому, что они идут вразрез с действительной практикой, выходящей за рамки предела практической свободы<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Важно отметить, что парадокс следования правилу подразумевает возможность нарушения всякого правила, даже правила, которое содержит патологическую норму. На нашем примере это могло бы выглядеть следующим образом. Находясь в комнате с четырьмя дверями, некто пересчитает двери от первой до четвертой, после этого он не остановит счет и перейдет от «четырех к пяти», посчитав первую дверь за пятую. Но даже в таком случае нарушение правила будет ограничено пределом практической свободы, поскольку количество дверей не бесконечно.

Таким образом, всякое правило может быть нарушено «по-новому» конечное число раз, т.е. **диапазон допустимых значений правоприменения ограничен пределом практической свободы**<sup>(γ.1)</sup>. По существу, предел практической свободы включает в себя условия реализации правоприменения, без которых правило не существует. **Отсутствие предела практической свободы означает отсутствие условий реализации правоприменения**<sup>(γ.2)</sup>, т.е. правило, которое может быть нарушено «по-новому» бесконечное число раз, не является правилом. Если известно, что некоторое правило не может быть нарушено, значит, оно и не может быть реализовано в правоприменительной практике.

#### 4. О роли субъекта в правоприменительной практике

Как показано в разделе 2, всякое правило является субъект-ориентированным регулятивом деятельности, в котором субъект выступает обязательным условием осуществления правоприменительной практики, т.е. без субъекта нет правила. Строго говоря, **субъект правоприменения** – это фактор актуализации экспрессиарных (от лат. *expressio*) условий правоприменения. К примеру, реализация правил арифметики требует от человека способности к счету и абстрактному мышлению. Скажем, некоторый человек не способен осуществлять элементарные счетные операции, значит, для такого человека правил арифметики попросту не существует. В данном случае субъектом правоприменения выступает человек, а необходимым экспрессиарным условием является способность к осуществлению арифметических операций.

Способность к экспрессии правила обнаруживается не только в **активном субъекте** правоприменения (скажем, человеку или животному), но и в неактивном; те же счетные операции могут быть реализованы электронной вычислительной машиной, а, положим, авиационный автопилот способен к реализации сложнейших правил навигации и управления воздушным судном, в ситуации меняющихся погодных и атмосферных явлений. Все это, конечно, наталкивает на размышление об истинной субъектности правила, вернее о том, какова сущность субъекта правоприменения. Бесспорно, что активный субъект в отличие от **инертного субъекта** обладает волей к реализации правила, что позволяет ему сознательно идти против правила, т.е. нарушать его<sup>1</sup>. В таком случае, спрашивается, является ли осознанность правоприменения необходимым условием существования правила? И всегда ли человек, реализуя то или иное правоприменение, исходит из потребности следовать правилу? По этому поводу Дж. Ст. Милль заметил, что «если есть правила, с которыми сознательно или бессознательно соотносится всякий ум ... то, очевидно, нет особой необходимости спорить о том, когда люди скорее будут соблюдать эти правила: тогда ли, когда они будут им известны, или же когда они ничего о них не будут знать» [4. С. 67]. Известно, что Миллю была чужда идея о свободе воли, он не делал различий между зако-

<sup>1</sup> Помимо этого, активный субъект наделен способностью усмотрения *необходимости* следования конкретному правилу в той или иной ситуации, а в некоторых случаях вырабатывать новое правило. Однако этот момент можно считать несущественным, поскольку то же самое можно обнаружить в работе «сложных» компьютеров.

нами природы и законами психики. По его мнению, необходимость правилоприменения заключена в структуру реальности и обусловлена всеобщей каузальностью. Однако если некоторый субъект правилоприменения не обладает качеством волеизъявления по отношению к правилу, то кто тогда принимает решение о необходимости того или иного правилоприменения, точнее, что является фактором, актуализирующим экспрессию правила? И всегда ли правилоприменение является *деятельностным актом*, предполагающим участие активного субъекта?

### 5. Фактор времени как необходимое условие логического правилоприменения<sup>(7,1)</sup>

В первую очередь необходимо обратить внимание на то, что по своей структуре всякое правило состоит из двух частей, а именно: (S) – *ситуации правилоприменения* и (P) – *директивы к реализации правилоприменения*. Например, в русской поговорке «Назвался груздем, полезай в кузов», событие «Назвался груздем» – (S) является ситуацией правилоприменения, а указание «полезай в кузов» – (P) директивой к реализации правилоприменения, где наступление события (P) строго детерминировано наступлением события (S). Согласно закону причинности, событие  $X(t)$ , имеющее место в момент времени  $t$ , влияет на событие  $Y(t')$  только в том случае, если  $t' - t > 0$ . Если так, то правилоприменение возможно исключительно тогда, когда ситуация правилоприменения (S) предшествует действительному (P), при условии, что  $\Delta t$  событий  $S(t)$  и  $P(t')$  будет больше нуля.

Из раздела 2 следует, что логическое правило включено в процесс реально-психологических условий реализации правилоприменения, а это значит, что всякое логическое правилоприменение является событием, т.е. тем, что имеет место и происходит с течением времени. Таким образом, реальная практика логического правилоприменения может быть осуществлена единственно как в условиях **строгой причинности событий**.

Взять для примера хотя бы так называемый *principia contradictionis*, который гласит, что «два противоречащих суждения не могут быть истинными в одно и то же время». Если оставить в стороне размышления о логико-теоретических основаниях данного принципа, можно получить следующий правилоприменительный регулятив: «Каждому, судящему относительно  $A$ , которое есть  $b$ , в то же время *не* должно судить, что  $A$  не есть  $b$ ». Допустим, что всякое суждение является событием, которое происходит в определенный момент времени, тогда истинное суждение « $A$  есть  $b$ » – это ситуация правилоприменения (S), где директивой к реализации правилоприменения (P) служит указание «*не* должно судить, что  $A$  не есть  $b$ ». Согласно логико-методологическому регулятиву положения принципа контрадикторности, истинность суждения события (S) в момент времени  $t$  исключает истинность суждения события (P) в момент времени  $t'$  тогда и только тогда, когда  $t' - t > 0$ .

Если идеально-логические основания *principia contradictionis* не предполагают никакой причинности событий в своем исходном положении, то является ли значение суждения  $A$  есть  $b$  *причиной* значения суждения  $A$  не есть  $b$ ? Возможно ли вообще в реальной практике мышления судить *одновремен-*

но многозначно, т.е. применять правило вне контекста правилоприменительной ситуации?

Ясно одно, что проблема темпоральности в логике – это еще один важный вопрос, который следует прояснить для того, чтобы прийти к пониманию того, каким образом соотносятся идеально-логические и реально-психологические основания логического правилоприменения.

### Заключение

Возвращаясь к вопросу о соотношении логики и мышления, следует уточнить, что:

1. Логический закон и/или логико-теоретическое положение не содержат в себе никаких сведений о том, как следует мыслить, и о том, как осуществляется практика реального мышления в тех или иных обстоятельствах.

2. Однако всякий логический закон, обращенный в регулятив, необходимо содержит в себе норму закона и норму правилоприменения. Если норма закона не соотносится с нормой правилоприменения, т.е. выходит за границы диапазона допустимых значений реализации правила в действительной практике мышления, то она становится бессмысленной.

3. В таком случае методологически тезис ЛП, утверждающий то, что (Б) необходимость логического правилоприменения заключена в границы субъективных реально-психологических условий мышления и не выходит за его пределы, следует считать справедливым.

4. Вместе с тем логический закон напрямую не связан с правилоприменительной практикой, но только посредством нормы, которая, как выяснилось, биполярно значима для логико-теоретических и для логико-методологических оснований логического правилоприменения.

Помимо этого, проблема логического правилоприменения, так или иначе, включает в себя:

5. Вопрос об истинной субъектности правила и о том, какова природа правилоприменения, а именно деятельность или внедеятельностная, т.е. не требующая участия активного субъекта,

6. Вопрос о причинности в темпоральной структуре логического правилоприменения.

В целом, наше исследование показало, что вопрос о соотношении логики и мышления нельзя решить в рамках антитезы «психологизм – антипсихологизм». В одной из своих работ К. Штумпф писал: «Ничто не может быть истинным в теоретико-познавательном отношении и одновременно психологически ложным» [5. С.128]. Возможно, для того чтобы примирить два мира, необходимо создать третий мир.

### Литература

1. Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э. А. Бернштейна // под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова. М.: Академический проект, 2011.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 76–319.

4. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ.; предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2011.

5. Штумпф К. Психология и теория познания // Логос. 2005. № 2 (47). С. 117–155.

**Antukh Gennady G.** National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/32/17

**TO A QUESTION ABOUT THE PSYCHOLOGISM: PROBLEM OF LOGICAL RULE-IMPLEMENTATION**

**Keywords:** logic, psychologism, antipsychologism, logical law, logical rule.

This paper deal with the problem of relation between logic and thought in the discussion of the psychologism and antipsychologism. Based on the analysis of the conflict thesis these positions, the question is formulated on the subject of logical rules and the ultimate foundations of the logical rule-implementation. Making difference between logical law and logical rule detects a range of problematic aspects of the logical rule-implementation. Researching the problem concerning limit of free action in realization rule-implementation in perspective of the law–norm–rule, the role of subject in the rule-implementation practice, and the time factor as a necessary condition for the implementation of logical rules. The results show that the question of the relationship between objective ideal-logical content of thought and subjective really-psychological conditions for the implementation of logical rules lies beyond the boundaries of the opposition "psychologism–antipsychologism", and requires a logical-philosophical reflection.

**References**

1. Bryushinkin, V.N. (1988) *Logika, myshlenie, informatsiya* [Logic, thinking, information]. Leningrad: Leningrad State University.

2. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya. T. I: Prolegomeny k chistoy logike* [Logical Investigations. Vol. I: Prolegomena to pure logic]. Translated from German by E.A. Bernstein. Moscow: Akademicheskii proekt.

3. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Moscow: Gnozis. pp. 76–319.

4. Mill, J.St. (2011) *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy: Izlozhenie printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya* [The system of syllogistic and inductive logic: The principles of evidence in connection with the methods of scientific research]. Translated from English by V.K. Finn. 5th ed. Moscow: LENDAND.

5. Stumpf, K. (2005) *Psikhologiya i teoriya poznaninya* [Psychology and theory of knowledge]. *Logos*. 2(47). pp. 117–155.